ошибок или просто извинений за серьезные просчеты и грубые переделки, прошлые или недавние. Полагаю, однако, что составители рецензируемой книги правы, мотивируя необходимость ее издания тем, что «правда всегда имеет смысл».

Но вот на что хотелось бы обратить внимание читателей этих томов. Сейчас осуществляется очередной, по-видимому, уже окончательный, этап на пути тотального реформирования всей российской науки – и фундаментальной, и прикладной. Очень похоже, что на наших глазах, при нашем пассивном (или активном) участии произойдут события, до удивления схожие с результатами, бегло описанными выше и явившимися следствием неуклюжих, лишенных научного и здравого смысла действий бывшего руководства, но теперь, пожалуй, с последствиями более масштабными и более опасными для будущего. Знание своей истории – это шанс разобраться, оценить существо сделанного однажды и не

возвращаться на путь жестоких проб и ошибок. Цель и польза историографических исследований или мемуаров состоят не только в поисках и установлении «правды» о прошлом. Они необходимы для обоснования зрелых решений проблем, актуальных сегодня. Поэтому рецензируемую книгу можно уверенно рекомендовать всем читателям, интересующимся современной наукой, а в особенности тем из них, кто призван участвовать – разрабатывать, реализовывать и проводить в жизнь политику как в сферах академических, так и прикладных направлений научных исследований. К сожалению, составители упустили возможность облегчить читателю освоение представленного в сборнике материала: книга не оснащена современным поисковым и справочно-указательным аппаратом, что сделать, при наличии компьютерного набора и макета, было не столь уж и сложно.

Е. С. Левина

Фандо Р. А. Формирование научных школ в отечественной генетике в 1930–1940-е гг. М.: Издательский дом И. И. Шумиловой, 2005. 148 с.

История отечественной генетики представлена в историко-научной литературе достаточно фрагментарно. Историческая реконструкция науки, помимо хронологии исторических фактов, неизбежно должна включать в себя и сведения по истории научного знания, т.е. историко-научную концепцию зарождения и развития основных идей, их осознанную методологию. В целом работы по социальной истории генетики затрагивают вопросы взаимодействия и взаимовлияния науки и политики, но не касаются вопроса о механизме зарождения концептуальных открытий. По-

этому цель автора рецензируемой монографии – рассмотреть историю отечественной генетики 30–40-х гг. прошлого века, ее своеобразие, оригинальность творческих идей и экспериментальных подходов с разных сторон – когнитивной, философской и психологической представляется актуальной и интересной.

Р. А. Фандо выбрал современный интегральный подход, включающий в себя историко-научный и науковедческий аспекты. Автор оценивает вклад отечественной генетики в развитие биологии XX столетия путем анализа генезиса основных генетических на-

учных школ России этого периода.

Первая глава «Генезис научных генетических школ в России» насыщена обобщающим материалом по проблеме научной школы вообще, анализу современного понятия научной школы, методологическим основам отечественных генетических научных школ. Говоря о методологическом своеобразии российской генетики, автор обращает особое внимание на роль философии и методологии диалектического материализма в развитии отечественной генетики 1930–1940-х гг. Подробно проанализировав все коллизии становления «советского союза» (термин Э. И. Колчинского) философии и биологии, Р. А. Фандо справедливо отмечает не только уже описанные неоднократно отрицательные стороны этого союза, но и его положительное влияние на формирование генетики в СССР.

Генетики ранга А. С. Серебровского и Н. П. Дубинина имели и естественно-научную, и философскую подготовку, пусть и ограниченную рамками возможностей диалектического материализма. Наука, в их понимании, представляла собой сложное комплексное явление с философско-методологическим фундаментом. Включение в генетические проблемы философского анализа помогло отечественной науке выйти на качественно новый уровень исследований. В генетике описываемого автором периода формировались не только принципы и приемы научной деятельности, но и ее методологические основы. «Таким образом, скорость движения научной мысли в отечественной генетике 1930–1940-х годов резко возросла, открыв в истории этой науки период напряженного и непрерывного созидания новых теоретических и прикладных работ», — отмечает автор книги (с. 23). Своей методологи-

ческой направленностью российская генетика тех лет отличалась от зарубежных исследований, будучи открытой для широких теоретических и мировоззренческих обобщений.

Вторая глава монографии Р. А. Фандо посвящена ленинградским генетическим школам, сформировавшимся в период 30–40-х гг. XX в. Изложение этого обширного материала автор начинает с характеристики работ Ю. А. Филипченко и его вклада в развитие отечественной генетики, затем переходит к изложению основных направлений работ, заложенных Н. И. Вавиловым, который, занимая пост директора ВИР, после смерти Ю. А. Филипченко в 1930 г. возглавил Лабораторию генетики АН СССР, куда для сохранения традиций научной школы Ю. А. Филипченко он и пригласил работать учеников Юрия Александровича, впоследствии ставших известными исследователями. Лаборатория генетики тех лет была примером слияния двух научных генетических школ — школы Н. И. Вавилова (ВИР) и школы Ю. А. Филипченко (ЛГУ). Особое место в этой главе отводится анализу работ Г. Д. Карпеченко и истории создания кафедры генетики растений ЛГУ. Этот раздел представляется особенно значимым, поскольку научная школа, созданная Г. Д. Карпеченко, с историко-научной точки зрения исследователями почти не анализировалась. Автор отмечает значение работ Г. А. Левитского и учеников Г. Д. Карпеченко — сотрудников лаборатории генетики ВИР и кафедры генетики растений ЛГУ. История научной школы Карпеченко была короткой и трагичной. Сам Георгий Дмитриевич был арестован в феврале 1941 г., а в июле уже расстрелян. Связь поколений учителей и учеников была прервана уничтожением ведущих сотрудников кафедры, отсут-

ствием возможности проводить исследования в университете, переездом многих сотрудников в другие города, уходом многих исследователей из науки. Традиции, заложенные Филиппенко, были прерваны во время заведования кафедрой генетики растений Б. Г. Поташниковой и Н. В. Турбиным. Этому тяжелому времени автор посвятил один из параграфов второй главы. Послевоенной непростой истории генетических исследований в ЛГУ, связанной с именами М. Е. Лобашева и Ю. И. Полянского, также посвящен специальный раздел.

В первые послевоенные годы на биофаке ЛГУ сложилось противостояние генетиков и механоламаркистов, которое закончилось уничтожением генетики в 1948 г. после Августовской сессии ВАСХНИЛ. Р. А. Фандо выделяет два наиболее трагических периода в истории ленинградских генетических школ: 1941 г. – разгром школы Карпеченко, и 1948 г. – разгром кабинета генетики животных М. Е. Лобашева. Преимущество генетических исследований возродилась, по мнению автора, лишь в 1957 г., когда на биологический факультет вернулся М. Е. Лобашев.

История исследований генетики животных и роль в этих исследованиях А. С. Серебровского занимает в монографии особое место. Деятельности этого выдающегося ученого посвящена третья глава монографии. Автор анализирует многогранную научную деятельность Серебровского по нескольким направлениям: как основателя школы генетики животных в нашей стране, как одного из пионеров евгенических исследований, как основателя кафедры генетики и селекции МГУ им. М. В. Ломоносова. Проанализированы работы Серебровского и его учеников в ВИЖе. Определяя само понятие «школа Сереб-

ровского», автор делает интересный вывод, что под школой Серебровского он понимает группу ученых из различных научных учреждений, своего рода «незримый колледж», деятельность которого связана не только с тесным общением ученых, но и с лидером (А. С. Серебровским), стоявшим во главе этих коллективов. Иерархическая субординация и незаурядные качества Серебровского как ученого-лидера позволили подчинить работу в различных организациях доминирующей роли руководителя, который был своего рода «генератором идей». Школа Серебровского воспитала многих выдающихся генетиков: Н. П. Дубинина, С. И. Алиханяна, П. Ф. Рокицкого, М. М. Камшилова.

Н. П. Дубинин интересен не только своей ролью в становлении отечественной генетики и ее возрождении в 1960-е гг. Своеобразные качества его характера вызывали самую неоднозначную оценку – от восторга до крайней неприязни. В четвертой главе, посвященной анализу научной школы Дубинина, автор, отмечая, что анализ личности этого ученого не входит в его задачу, поставил перед собой другую цель: выявить особенности научной школы Дубинина и ее место в истории отечественной генетики. На наш взгляд, автору удалось проанализировать социально-психологические мотивы, которые способствовали созданию творческого коллектива и обеспечили долголетие методологических идей этой научной школы.

Р. А. Фандо подробно исследует историю создания гипотезы ступенчатого аллеломорфизма, «эффекта положения» гена и непрерывности наследственного вещества, ставшие вехами в генетических исследованиях Н. П. Дубинина. Не случайно эффект положения гена позже стали называть «эффект Дубинина», хотя от-

крытие этого явления принадлежит А. Стертеванту.

Интересен раздел четвертой главы, посвященный эволюционным исследованиям Дубинина и его школы. Эти исследования начались еще в 1930-е гг. в русле идей о неадаптивных эволюционных изменениях. Отечественные и зарубежные ученые независимо друг от друга установили, что изменение частот генных аллелей зависит не только от панмиктических процессов в популяции и силы отбора, но и от случайных стохастических процессов, получивших на Западе название «дрейф генов» (Р. Фишер, С. Райт), а в отечественной литературе «генетико-автоматические процессы». Основные черты генетико-автоматических процессов выяснили Н. П. Дубинин и Д. Д. Ромашов на примере равномерно размножающихся популяций дрозофилы. В проведенных ими исследованиях они вскрыли значение стохастических процессов для генетической структуры вида и его эволюционной динамики. Эти исследования вошли в число приоритетов школы Дубинина и сформировали особое направление по изучению микроэволюционных процессов в 1930–1940-е гг.

Само появление в генетике фигуры Дубинина как особого типа советского исследователя автор объясняет социокультурными традициями того времени, т.е. усвоением молодым ученым тех норм познавательного процесса, которые вытекают из сложившейся на данный момент когнитивной структуры конкретной исследовательской области.

Подводя итог своего исследования, Р. А. Фандо дает краткий очерк истории отечественной генетики начиная с 20-х гг. прошлого века и отмечает основные особенности ее развития в этот период. Здесь же рассматриваются различные методологические

подходы к анализу проблематики монографии.

Надо сказать, что параграф 4.4. четвертой главы – «Цитогенетические работы Дубинина» является скорее общей характеристикой работ (особенно эволюционной направленности) Дубинина в целом и подведением итогов исследований его научной школы. Сами цитогенетические работы, число которых достаточно велико, практически не освещены. Это досадная небрежность в работе вызывает некоторое недоумение. Цитогенетические работы в то время были одним из основных направлений исследований не только в отечественной, но и в зарубежной генетике. Достаточно упомянуть работы А. А. Прокофьевой-Бельговской. Отечественные цитологи в то время работали на высочайшем уровне, и школа Дубинина дала много замечательных цитогенетических работ, вошедших в историю биологии.

В заключение следует сказать, что монография Р. А. Фандо представляет собой оригинальное и интересное, насыщенное большим фактическим материалом исследование. История отечественной генетики полна противоречий, и выбранный автором подход к ее анализу, его исследовательская позиция дает возможность не только сохранить нейтральность и объективность, но и позволяет оценить вклад научных школ и их лидеров в когнитивную сферу познания. Именно понятие «научная школа» позволило автору избежать крайностей «экстернализма» и «интернализма» и показать своеобразие развития отечественной генетики в 30–40-е гг. XX в.

Эта книга может быть рекомендована для профессиональных генетиков, историков, исследователей российской науки, для студентов и аспирантов некоторых специальностей ву-

зов, а также для современного читателя, интересующегося историей отечественной биологии. Написанная на рубеже веков работа Р. А. Фандо подводит не только историографический итог в области советских генетических школ, но и оценивает научные взгляды с точки зрения прогрессирующего век-

тора современных генетических исследований, отдавая историческую дань памяти фундаментальным позициям науки, занимающей лидирующее место в современном мире интеллектуально-информационных ресурсов.

П. В. Палехова

Neubauer A. Bittere Nobelpreise. Norderstedt: Books on Demand, 2005. 123 s.

Название этой небольшой книги – «Горькие Нобелевские премии» – сразу же привлекает внимание и вызывает желание с ней ознакомиться, тем более что ее автор известен российским историкам науки с 1980-х гг.: его статьи о жизни и деятельности вывезенных из Германии в СССР после 1945 г. специалистов-химиков и физиков публиковались в ВИЕТ¹, а сам он в то время тесно сотрудничал с Институтом истории естествознания и техники.

Во введении А. Нейбауэр поясняет, что относит к «горьким» премиям те, от получения которых их адресаты по тем или иным причинам вынуждены были отказаться. На основе анализа многих (в том числе ранее не опубликованных) литературных и архивных источников автор устанавливает причины отказа лауреатов от присужденных им Нобелевских премий. Они нашли отражение в названиях соответствующих главок этой книги, как, например: «Просьба об отсрочке на следующий год: Фриц Хабер», «Гестапо и лауреат Нобелевской премии: Герхард Домагк», «Голова или количество: Жан-Поль Сартр отклонил Нобелевскую премию по лите-

ратуре 1964 г.», «Преждевременный лауреат Нобелевской премии: Теодор Сведберг» и т. д. Среди ранее не публиковавшихся источников наиболее интересны такие, как оригиналы писем с отказом от премии и связанные с ними материалы Г. Домагка, А. Бутенандта, Р. Куна и некоторых других лауреатов. Исследование, проведенное автором, наглядно демонстрирует всем интересующимся этой ранее не рассматривавшейся проблемой разнообразие причин отказа награжденных от столь престижной премии, в частности, давление властей их стран или неправильное понимание их деятельности международным сообществом.

Глубже понять анализируемые в этой книге проблемы читателю помогут краткие, но емкие биографии четырнадцати рассмотренных в ней лауреатов (с. 76–104). К сожалению, из-за небольшого объема книги в ней не уделяется достаточного внимания таким непосредственно связанным с этой темой вопросам, как соотношение личного интереса ученых, писателей и политиков к признанию выдающихся результатов их деятельности, удостаивавшихся Нобелевской премии, и необходимости отказа от нее после присуждения, влияние этого отказа на дальнейшие судьбы этих людей, от-

¹ См.: Нейбауэр А. Немецкие химики и Советский атомный проект после 1945 г.: Макс Фольмер // ВИЕТ. 1991. № 4. С. 21–27.